

Здесь ему больше делать было нечего. Мо Чжиян развернулся и собрался уходить: Если задания выполнены, я бы еще ничего не сказал, но раз задание не завершено, я обязан его закончить. Ну-ка, позови папочку, чтобы я послушал.

Хотя и нехотя, Система всё же подала голос:

— Папочка-хозяин.

— Умница. — От этих слов недавнее раздражение испарилось без следа. Мо Чжиян радостно пошел обратно: раз уж все здесь первоклассные лисицы-оборотни, оставалось только посмотреть, у кого лучше актерская игра.

После утреннего совещания Цигуань Янь посмотрел на стопку свитков у стола, утратив прежнее терпение. В мыслях крутился лишь один вопрос: куда делся этот мальчишка? Он перебирал бумаги взад и вперед, но не смог осилить ни единого иероглифа.

В конце концов он отложил волчью кисть, испачканную киноварью, подошел к окну, распахнул его и, глядя наружу, подражал крику кукушки.

Мо Чжиян смиренно спрыгнул с крыши, легко приземлившись на открытое пространство под навесом спальни. В правой руке он держал лук, затем коротким бегом перешел в прыжок, перемахнул через низкие перила галереи и встал перед императором:

— Ваше Величество.

— Входи. — В тот самый момент, когда он увидел его, Цигуань Янь отчетливо понял, что заражен. Заражен любовным ядом этого юноши: ему было необходимо видеть его каждую секунду, носить на руках, лелеять в сердце и прижимать под собой — только так хвост не давал о себе знать.

Опираясь левой рукой о подоконник, Мо Чжиян легко перепрыгнул внутрь и остановился перед ним:

— Ваше Величество.

Цигуань Янь взял его за руку, переплетая их пальцы:

— Почему тебя не было, когда я проснулся сегодня утром?

— Я же должен защищать Ваше Величество, поэтому, разумеется, отправился на обход, — Мо Чжиян послушно следовал за ним, ведомый за левую руку, в то время как правая прижимала лук, пока они не дошли до места за письменным столом.

Сев в кресло, Цигуань Янь тут же обнял его за талию и усадил себе на колени, переплетая пальцы левой руки с его:

— С этим может справиться командующий Хэ.

— Я что-то сделал не так? — Мо Чжиян внезапно занервничал, опустив голову на их переплетенные руки. Его голос слегка дрожал: — Чем-то рассердил Ваше Величество?

От такой реакции Цигуань Янь занервничал еще больше. Он усадил юношу верхом на колени лицом к себе, протянул руку и нежно коснулся его щеки:

— Глупый мальчишка, как я могу сердиться?

Надо бы испытать его еще раз, посмотреть на отношение этого сумасшедшего императора к нему. Мо Чжиян опустил веки, и голос его звучал совсем тихо:

— Тогда почему мне больше нельзя охранять Ваше Величество?

Мальчишка всё еще не понимал. Цигуань Янь мог лишь силой заставлять себя не торопиться:

— Я бы только и делал, что носил тебя на руках, оберегал и лелеял, с какой же стати мне позволить тебе получить хоть малейшее повреждение?

Мо Чжиян посмотрел на него с наивным выражением лица, словно до конца не понимая смысла этих слов.

Нет, он не понимал. Он размышлял о том, каков же предел терпения императора по отношению к нему. Было необходимо четко уяснить чужие границы, чтобы в будущем проявлять осторожность и не гневить правителя.

Поэтому он слегка склонил голову и вместо этого потерся щекой о его ладонь, ласковый и покорный, как изящная, красивая кошка:

— Мое существование — лишь для того, чтобы защищать Ваше Величество.

Небеса были невероятно добры к нему, раз даровали столь крошечного бессмертного небожителя.

— Тогда ты и впрямь должен хорошенько меня защищать, — Цигуань Янь намеренно ущипнул его за мочку уха указательным и средним пальцами и с легкой улыбкой произнес: — А теперь защити меня от чтения этих докладов.

Мо Чжиян опустил глаза, не смея смотреть по сторонам — в конце концов, любой император болезненно отреагировал бы на вмешательство посторонних в государственные дела, так что лучше было просто не смотреть. В подобных вещах чувство меры имело решающее значение.

В этот момент вошел Гао Уфэнь. Увидев, что юный тайный страж примостился прямо на

коленях у государя, он сделал вид, будто ничего не заметил, шагнул вперед и почтительно поклонился:

— Ваше Величество, пора подавать обед.

Цигуань Янь отложил доклад, потрепал юношу по пояснице и, склонившись к самому его уху, двусмысленно шепнул:

— Тогда защити меня и во время обеда.

Ты хочешь, чтобы я просто смотрел, как ты ешь? Сердечко Мо Чжияна ёкнуло: эта скотина была хуже зверя!

Когда все кушанья были поданы, восемнадцать разнообразных мясных и вегетарианских блюд устали весь стол. Каждое угощение выглядело восхитительно и источало потрясающий аромат — Мо Чжияну посчастливилось отведать вершину кулинарного искусства этого мироздания.

Сев за стол, он пристроил лук на коленях, за спиной торчал колчан со стрелами, а сам он буквально зарылся лицом в пisku. Это блюдо было вкусным, и вон то — тоже! Почему каждое из них было настолько восхитительным?

Тушеная свинина ваньфу, жирный цыпленок с шампиньонами, а жареные свиные печеночные язычки с двумя видами перца вообще оказались выше всяких похвал — одновременно острые и невероятно освежающие.

Глядя на то, с каким аппетитом тот уплетал еду, Цигуань Янь и сам ел с большим удовольствием, съев на полпиалы больше обычного.

Мо Чжиян прикончил целых четыре плошки риса, подчистую выскреб тарелку с острой печенью и только после этого блаженно погладил живот:

— Как же вкусно.

— Посмотри на себя, — Цигуань Янь взял платок и бережно стер с его губ следы еды. — Надо же знать меру, а вдруг от переедания станет плохо?

Всего-то четыре пиалы риса, разве от этого может стать плохо? Мо Чжиян чуть приподнял подбородок, позволяя вытереть себе рот:

— Занимающиеся боевыми искусствами едят много, от этого не бывает плохо.

Гао Уфэнь проникся некоторым чувством: Государю, которому он служил полжизни, довелось увидеть день, когда тот сам прислуживает кому-то другому — поистине редчайшее зрелище.

Цигуань Янь действительно опасался, что тот переест, поэтому велел Гао Уфэню принести что-нибудь для улучшения пищеварения, а во второй половине дня заставил юношу составить ему компанию за чтением докладов.

Как же скучно! Мо Чжиян не смел глазеть по сторонам, оставалось только закрыть глаза и притвориться спящим. Сейчас он предпочел бы бегать и резвиться где-нибудь на улице, чем сидеть рядом и изучать занудные свитки.

— Папочка-хозяин, мне кажется, этот большой золотистый ретривер хочет вырастить тебя как собственного детеныша.

Столь окольными путями мог оскорблять себя разве что дурак. Мо Чжиян тихо фыркнул:

— Большой золотистый ретривер растит меня как детеныша? А если я буду растить тебя как детеныша — кто ты тогда? В любом случае, ты находишься на самом дне пищевой цепи.

Система была готова отвесить себе пару пощёчин: до чего же у нее был распутный язык!

Скука смертная. Попрепиравшись немного с Системой, Мо Чжиян прислонился к плечу императора и прямо так провалился в сон. Уйти он все равно не мог, так что оставалось только спать.

Перевернув страницу и услышав ровное дыхание, Цигуань Янь опустил голову и невольно тихонько усмехнулся, увидев, что пристроившийся в его объятиях юноша заснул с закрытыми глазами.

Он сменил позу, чтобы тому было удобнее, и стал двигаться еще тише и осторожнее.

Осенний ветер проникал через окно, принося с собой легкую прохладу. Солнце постепенно клонилось к закату, его лучи ползли по оконной раме и ложились на голубые каменные плиты пола.

Резкий птичий крик за окном заставил Цигуань Яня машинально бросить взгляд на человека в своих объятиях. Тот лишь тихонько чмокнул губами, но не проснулся — и слава богу.

Вспоминаемая позже, эта сцена казалась озаренной мягким светом — такой прекрасной и теплой.

Наступила ночь, и Гао Уфэнь оставил в покоях всего пять свечей, после чего удалился с понимающей улыбкой на лице.

Мо Чжиян забился в самый угол постели и смотрел на обезумевшего пса-императора, который завернулся вместе с ним в одеяло и обхватил колени руками.

Заметив это, Цигуань Янь изобразил крайнее удивление, приподнял полог и забрался на ложе:

— Почему ты забился так далеко?

А ты как думаешь? Мо Чжиян проигнорировал его, продолжая жаться в уголке. Было очевидно, что тот замышляет недоброе, и его персиковые глаза испуганно захлопали:

— Я спать хочу.

— Что хочешь съесть завтра? — Цигуань Янь уселся на одеяло по-турецки и неожиданно сменил тему.

На этот счет еще можно было поболтать, и Мо Чжиян тут же оживился:

— Тушеные печеночные язычки с двумя видами перца, острую курицу, рыбу в кисло-соленом бульоне...

Воспользовавшись тем, что тот без умолку перечислял блюда, Цигуань Янь резко подался вперед и прижал его к своей груди вместе с одеялом:

— Завтра будем есть то, что ты скажешь, а сегодня ночью я хочу съесть тебя.

От этого некуда было деться. Мо Чжиян мысленно покачал головой и вздохнул, слабо выставив один палец:

— Один раз?

Одно лишь выражение его лица говорило само за себя. Император вытянул еще один палец:

— Тогда два. Больше точно нельзя.

— Мхм~

Цигуань Янь намертво прижал его к себе, левой рукой зафиксировав за плечо, а правой сжав талию, стирая любые преграды между ними.

— Ах, Ваше Величество... колено... мх, колено болит... — Мо Чжиян судорожно вцепился в ярко-желтую простыню, умоляя о пощаде.

Услышав это, Цигуань Янь низким, пропитанным страстью голосом ответил:

— Тогда давай сменим позу. — Не дожидаясь ответа, он прямо так поднял его на руки, усаживая верхом на себя.

Грудь к спине, кожа к коже:

— Яньян невероятно вкусный, душистый, сладкий и нежный... Ссс, какая тугая.

Мо Чжиян: К черту это твое нежный!

Гао Уфэнь подслушивал снаружи: Договаривались же на два раза, Ваше Величество, вы врете!
— Я ничего не обещал. — Услышав этот диалог, он не удержался и прикрыл рот рукой, радуясь в душе.

Сегодня настроение государя казалось прекрасным, и министры при дворе тоже смогли выдохнуть. Министр ритей говорил громче обычного:

— Докладываю Вашему Величеству: Южное Чу потерпело поражение и направило к нашему двору Третьего господина и Седьмую принцессу в качестве заложников в знак своей искренности. Оба заложника прибыли в столицу вчера.

Цигуань Янь сидел на драконьем троне, а длинные нити жемчуга скрывали его выражение лица. Проиграть войну и отправить собственных детей в заложники к враждебному государству — до чего же избитый трюк.

Но к счастью, сегодня у него было хорошее настроение, и Цигуань Янь не стал придирается:

— Объявить указом.

Он ведь слышал, что этот Третий господин из Южного Чу обладает непревзойденным мастерством живописи. Почему бы не заставить его иллюстрировать сборники историй для Яньяна, чтобы тот не скучал?

По звуку команды евнух бегом бросился за пределы тронного зала, чтобы проводить тех, кого заблаговременно подготовили к аудиенции. Седьмая принцесса выглядела еще ничего, но вот от вида Третьего господина невольно перехватывало дыхание.

Почему он... настолько...

Прекрасен, поистине прекрасен!

Оба посланца, введенные имперскими послами — мужчина и женщина, — были облачены в характерные одежды Южного Чу. Хотя фасон и казался чужеземным, он ничуть не умалял их красоты.

В особенности это касалось Третьего господина — его внешность действительно поражала воображение, ничего подобного прежде видеть не доводилось.

Красив, неземной красоты, чистый и отстраненный, словно луна в середине осенней ночи; брови словно вырезаны ножом, пара персиковых глаз окутана туманной весенней дымкой, высокий нос и чуть сжатые тонкие губы.

Казалось, столь ослепительная красота могла существовать лишь на небесах. Другая девушка наверняка была Седьмой принцессой, однако эта Седьмая принцесса уступала первой: она выглядела невероятно милой и покладистой, ее живые и задорные миндалевидные глаза во все стороны любопытно бегали, а на губах цвела невинная и очаровательная улыбка.

Все в этот момент смотрели на сидевшего наверху Ваше Величество — рядом с тем Третьим господином красоты всех наложниц шести дворцов мгновенно поблекли бы.

— Приветствуем императора.

Бросив на стоящих внизу мужчину и женщину беглый взгляд, Цигуань Янь кивнул:

— Поднимитесь.

Подойдя ближе, Гао Уфэнь смог рассмотреть всё как следует. Он действительно был поражен красотой Третьего господина, но, придя в себя, перевел взгляд на Седьмую принцессу.

И тут его прошиб настоящий испуг: до чего же эта Седьмая принцесса на семь десятых походила на того маленького Тайного стража!

Гао Уфэнь украдкой бросил взгляд на Ваше Величество — и точно, Ваше Величество тоже это заметил. Поспешно опустив глаза, Гао Уфэнь уставился в пол.

— Волю Южного Чу я понял, — Цигуань Янь кивнул, и от этого движения качнулась его императорская корона.

Южное Чу — страна маленькая да еще и расположенная в отдаленных землях. Завоевать ее просто, но управлять трудно: если отбросить в сторону местные обычаи, рука не дотянется, да к тому же между ними лежит река Цунцзян. Куда проще запугать их до смерти, заставив ежегодно платить дань и склонять головы в знак вассалитета.

На то, чтобы сокрушить Южное Чу, уйдет всего одна монета, а вот на то, чтобы содержать его — целых три. Сделка невыгодная, так что пусть сохраняют название государства, живут на самообеспечении да платят дань, раз уж императорский двор не хочет тратить на них слишком много сил.

Именно поэтому Цигуань Янь принял капитуляцию и взял этих двух заложников.

— Гао Уфэнь, устрой обоих на постой, — острый взгляд Цигуань Яня скользнул по Седьмой

принцессе, после чего он поднялся на ноги. — Аудиенция окончена.

В гареме было предостаточно пустующих мест и бездельничающих женщин, так что появление двух заложников не подняло бы никаких волн.

Седьмая принцесса по-прежнему живо всем интересовалась. Шагая по дворцовой улице, она то и дело озиралась по сторонам, словно ее привлекало абсолютно всё вокруг. Любой, кто взглянул бы на нее, непременно воскликнул бы: какая наивная и резвая девушка!

Третий господин же вел себя совершенно иначе: слегка прикрыв персиковые глаза, он с бесстрастным выражением лица смотрел под ноги, оставаясь равнодушным ко всему происходящему вокруг. Его облик излучал такую же холодную и отстраненную отрешенность.

Новичков разместили в Дворце Цинхуа, что в северо-западной части дворцового комплекса. Помимо прислуги, которую каждый из них привез с собой, туда направили немало слуг для ухода.

В конце концов, люди прибыли сюда заложниками, а не в тюрьму садиться, да и кто знает, кому из них посчастливится забраться на драконье ложе в будущем?

Проводив сопровождающих, Седьмая принцесса осталась весьма довольна убранством покоев. Увидев застывшую неподвижно фигуру, похожую на деревянный чурбан, она бросила:

— Я займу главные покои, а ты отправляйся в боковой флигель.

Третий господин не желал вступать с ней в спор. Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг его окликнули:

— Не думай, что раз у тебя смазливая мордашка, так тебе всё позволено. Тот император Государства Юнь смотрел на меня дольше, чем на тебя! — Седьмая принцесса чуть задрала подбородок, явно не желая сдавать позиции.

Третий господин не питал к этому ни малейшего интереса и, дослушав до конца, зашагал прочь.

— Как же здесь красиво! — восхищалась Седьмая принцесса. Государство Юнь и впрямь оказалось великой державой: любая случайная усадьба выглядела роскошнее резиденции ее собственного августейшего отца.

Проведя рукой по гладкому белому фарфоровому вазону, а затем по изящному столу из желтой груши, она вдруг подумала:

— А та любимая наложница императора, должно быть, живет еще лучше?

— Эта Седьмая принцесса просто невыносима, молодой господин, вы... — прислуга не могла на это смотреть, ведь вся дорога сюда состояла из ее издевательств над господином.

Третий господин наконец произнес свои первые слова после вступления во внутренние покои:

— Все мы здесь лишь вещи, какая разница, кто выносим, а кто нет.

Его отец потерпел поражение в войне и нуждался в заложнике, а его собственная смазливая внешность как раз пришлась кстати. Но есть ли разница, куда поставить вещь — в эту комнату или в ту?

Его биологическая мать была всего лишь танцовщицей, так что и от него самого не было никакого толка.

Мо Чжиян считал, что этот большой золотистый пес временами бывает очень даже неплох, по крайней мере, свое слово насчет еды он держит — рыба с кислыми овощами из императорской кухни была просто восхитительна.

— Почему ты так любишь эту кислятину и остроту? — удивлялся Цигуань Янь. Мальчишка питал явную слабость к кислому и острому — неужто к рождению мальчика или девочки? С этой мыслью его взгляд невольно опустился ниже.

Мо Чжиян проглотил то, что было во рту, и только тогда поднял голову:

— Потому что вкусно.

Опасаясь, как бы от слишком острой пищи у того разболелся живот, Цигуань Янь велел подать засахаренные груши в ледяном сиропе, чтобы смягчить горло:

— На дворе осенняя сухость, пей больше сладкой водички.

Послушно осушив пиалу, Мо Чжиян с нескрываемым удовольствием облизал губы.

Но Цигуань Янь воспользовался моментом, подался вперед и внезапно накрыл губами кончик его языка, смакуя оставшуюся на нем сладость. Отстранившись, он тут же подхватил парня со стула и усадил прямо к себе на колени:

— Тебе уже девятнадцать, а ты такой легкий.

В детстве ради освоения искусства легких шагов учитель заставлял Мо Чжияна каждые семь дней принимать лекарственные ванны — всё для того, чтобы тело стало невесомым, словно ласточка. Из-за этого к восемнадцати годам его рост остановился на отметке в сто семьдесят один сантиметр.

Единственное, что сделали за всю свою жизнь и сам прежний владелец тела, и его наставник — это защитили императора. — Нужно заняться культивацией, так что ве́ди себя потише. — Мо Чжиян сидел верхом на его коленях, прижавшись к нему, и, опустив голову, заметил, что мужская рука каким-то образом легла ему на живот.

Неужели этот большой золотой пес считает, что я слишком много ем, и хочет надавить так, чтобы меня стошнило? Неужели думает, что раз я всё проглотил, то теперь заставит меня вырвать?

Цигуань Янь же думал совсем о другом: если это и впрямь мальчик к кисленькому, а девочка к острому, родит ли Яньян ему ребёнка? Если родится мальчик — объявить Наследным принцем, если девочка — баловать, да так, чтобы превратить в драгоценное сокровище.

Но что, если после рождения ребёнка Яньян перестанет обращать на него внимание? Что тогда делать?

При этой мысли он решил, что рожать детей всё-таки не стоит: лучше баловать одного лишь Яньяна, ведь у него просто не хватило бы сердца делить свою заботу с кем-то ещё. Он опустил подбородок на плечо юноши, взял зубами его мочку уха и принялся ласково покусывать:

— Никаких детей.

Детей?

О чём вообще думает этот тупоголовый большой золотой пес? Он собрался рожать детей? Да пусть попробует сначала смочь, ха-ха-ха, смешно до слёз!

Ход мыслей этих двоих расходился на десятки тысяч ли.

Днём Цигуань Янь просматривал государственные доклады и, велев кому-то составить ему компанию, заметил, что тот скучает, и спросил:

— Яньян умеет читать?

— Нет, учитель не учил. — На самом деле Мо Чжиян всё прекрасно знал, но выбранный образ не позволял ему в этом признаться.

Цигуань Янь ничуть не удивился: он отложил кисть, перепачканную киноварью, взял другую, чистую, обмакнул её в чёрную тушь и вывел на белой бумаге два иероглифа:

— Яньян, взгляни.

Мо Чжиян сидел на коленях у императора, вытянул шею и заглянул в бумагу. Там красовались два знака:

— Что это?

— Этот читается как Янь. — Цигуань Янь кончиком кисти указал на первый иероглиф. — Это моё имя, Цигуань Янь. А этот читается как Ян, это имя Яньяна. Если прочесть их вместе, получится Яньян.

Глядя на эти два иероглифа, Мо Чжиян кивнул и повторил за ним:

— Яньян?

— Янь означает глубокую образованность, но сам по себе этот знак всегда кажется холодным. Самое главное — это второй иероглиф, Ян: мягкий и тёплый, от одного взгляда на него на сердце становится радостно, — проговорил Цигуань Янь и, решив, что тот всё равно ничего не понимает, прижал к себе сидевшего на коленях человека ещё крепче.

Словно обнимал принадлежавшее только ему мягкое и тёплое солнце.

Видимо, из-за того, что вечером было съедено немало острого, среди ночи, когда они уже спали, Цигуань Янь услышал, как прижатый к нему человек пару раз кашлянул, и тут же открыл глаза.

Он при свете догорающих в покоях свечей взглянул на него и снова услышав лёгкий кашель, покачал головой, с нежностью пододеяльник и дал себе завет: завтра он решительно ни за что не позволит ему больше есть такую еду.

Поэтому на следующий день в полдень, глядя на пустой рисовый супчик, Мо Чжиян кое-как проглотил одну пиалу, перестал обращать внимание на Цигуань Яня, самостоятельно выбрался из комнаты и забрался на садовую стену.

Система сочла это странным и поинтересовалась:

— Ты что, дуешься на него?

— Нет, я использую это происшествие, чтобы проверить, каков предел его терпимости ко мне.

— Мо Чжиян стоял вдалеке, наблюдая за летавшим над Императорским садом бумажным змеем, и приподнялся на цыпочках, гадая, кто же это осмелился запускать воздушного змея прямо во дворец.

Глядя на пустую пиалу и стул, Цигуань Янь потерял всякий аппетит и швырнул палочки на стол:

— Убрать.

— Ваше Величество. — Заметив, что император сделал всего пару глотков, Гао Уфэнь испуганно шагнул вперёд и опустился на колени: — Тот тайный страж по фамилии Мо ещё совсем дитя по характеру, Ваше Величество, не извольте из-за этого подрывать собственное здоровье.

Разве Цигуань Янь сам этого не понимал? У Яньяна простодушный нрав, и сейчас он лишь дует на него, а съел так мало — всего полпиалы — потому что блюда пришлось не по вкусу.

— Приготовьте побольше сладостей.

Обычно Яньян съедал по четыре пиалы за раз, а сейчас ограничился половиной, так что, судя по всему, вскоре снова проголодается.

— Слушаюсь. — Гао Уфэнь поднялся на ноги и велел слугам убрать со стола.

Мо Чжияну было совершенно не до большого золотого пса: он последовал за бумажным змеем, желая узнать, кто же проявляет такую дерзость в стенах дворца — во всяком случае, обитательницам гарема точно не хватило бы на это смеху.

В конце концов, добравшись до пустой площадки перед персиковой рощей в Императорском

саду, он как раз собрался посмотреть, кто там балуется, как нить змея с треском оборвалась, и тот, подхваченный порывом ветра, полетел дальше, уносясь на юг.

— Почему он оборвался?! — Седьмая принцесса встала на цыпочки, провожая взглядом улетающего змея, сердито топнула ножкой и, обернувшись, ткнула пальцем в сидевшего на каменном табурете Третьего господина: — Эй ты, ступай и верни мне моего змея!

По её поведению было вовсе не заметно, что она обращается к собственному брату — она держалась куда высокомернее, чем с простыми слугами.

Третий господин с мертвенным видом поднялся на ноги и, словно марионетка, поплёлся в ту сторону, куда улетел змей.

Увидев это, Седьмая принцесса с презрением сплюнула:

— Вылитая деревяшка! Кому вообще может понравиться деревяшка? Тьфу!

Змей улетел недалеко: Третий господин дошёл до края пруда и издалека заметил игрушку, зацепившуюся за заросли бамбука-феникса, после чего обошёл лotosовый пруд и направился туда.

Бамбук рос вплотную к дворцовой стене и выглядел великолепно, но и змей застрял очень высоко. Тут возникла загвоздка: на дерево ещё можно было бы залезть, но эти стебли такие гибкие, что их, пожалуй, придётся только трясти.

В этот самый момент с садовой стены соскользнула тёмная тень, мимоходом сдёрнула застрявший в бамбуке бумажный змей, изящно приземлилась и оказалась прямо перед ним.

— Это твой бумажный змей?

<http://bllate.org/book/25035/2962529>